

ская сигнатура которого несомненна. Вопрос, следовательно, идет о зарождении в 1742—1743 гг. того грандиозного образа и языка, который в будущем станет важнейшим элементом классической поэзии.

Прежде всего, мало вероятно отсутствие иностранного образа. Заглавие «Утр. и веч. размышл. о божьем величии» звучит явным переводом с немецкого (*Morgenandacht, Morgenbetrachtung*) или шведского. Распространенность такого рода благочестивых од в германских литературах общеизвестна. Сплошные мужские окончания в «Веч. разм.» беспримечательны для эпохи и русского прецедента не имеют. Ломоносов точно знает, что богословскую оду надо писать иной строфой, чем политическую, — это предполагает знание каких-то образцов. У нас есть основания полагать, что образцы эти были шведские, но вопрос этот, за чрезмерной сложностью, может быть разобран только в отдельной работе об общей роли шведской поэзии в сложении русской оды XVIII века. Не забудем, что обычное в нашей оде именование шведов готами русские поэты переняли от шведских же.

4

Гораздо важнее общий лютеранский характер всех богословских од, вместе взятых. Нет следов не только церковного учения, но и тритеизма.¹ Нет следов евангельской системы образов. Грандиозные образы все ветхозаветного типа. Совершенно ветхозаветна и сама распря Ягве с непокорными и непризнающими его. Космологический тип аполгии, с привлечением ветхозаветных образов, был обычным в лютеранской среде. Более того, оба размышления близки к лейбнице-вольфианской стадии лютеранства (на что не раз указывалось в общей форме, хотя настоящей работы о философском мировоззрении Ломоносова в нашей научной литературе еще нет). Возможно, что все три теологических оды именно вследствие их внецерковности не были сразу напечатаны Ломоносовым. Позднее они стали школьными текстами, и несколько поколений заучивало их наизусть, как назидатель-

¹ Случайно Ломоносов переводит из Иова как раз то место, в котором исследователи справедливо видят неистребленный позднейшей священнической редакцией след древнего израильского дуализма (борьба Ягве-витязя с Левиафаном, чудовищем глубин). Но, конечно, Ломоносов не мог знать действительного смысла этого эпизода, и для него текст Иова звучит вполне монотеистически.